

Патриотическая песня польских католиков как гимн демократической России?

Знал бы Михаил Глинка...

ВЕРСИЯ

История этого мифа началась со статьи Бориса Годовкина "Патриотическая песня. О нашем времени и нашем гимне", опубликованной 28 февраля 1990 года в "Литературной газете".

ЦЕЛЮ автора, скорее всего, было — разрушить общепринятый авторитет бытовавшего тогда Государственного гимна СССР. Именно поэтому о прекрасной, донные памятной всем музыке А.В. Александрова было сказано, что она "с самого начала оставляла желать лучшего". По поводу же стихов С.В. Михалкова новый литературный "Герострат" заявил, что-де текст этот "воспринимается, скорее, как набор бесстрастно-стандартных провозглашений, которые, разумеется, не могут стать высоким духовным стимулом".

Однако, призывая упразднить старый гимн, автор статьи должен был предложить что-то другое. Тогда-то и прозвучало название "Патриотической песни", автором которой до сего дня считается М.И. Глинка. Музыка эта была известна еще с 1944 года, а имя создателя "Ивана Сусанина" служило наилучшей гарантией от каких-либо сомнений в ее подлинности и истинной "патриотичности". В пылу политических баталий 90-х годов мало кто заметил, что рассуждения Б. Годовкина построены не на строгих исторических фактах, а на исследовательской недобросовестности, на домыслах и, в конечном счете, на вульгарной фальсификации истории. Тем, кто попытался заявить об этом, попросту заткнули рот. Впрочем, и это не беда. Беда, когда на основании подобных спекуляций принимаются государственные решения. А именно такое "судьбоносное" решение вскоре было принято: Государственным гимном "демократической" России официально стало якобы "глинкинское" творение.

Сегодня этот гимн звучит без поэтического текста, что вызывает обильные сетования и нарекания. Существует высокопоставленная Комиссия по отбору текста гимна, а одна известная газета (прославившаяся легендами об истории нашего общегосударственного музыкального символа) даже проводила читательский конкурс на сочинение стихов к музыке "Патриотической песни". И все бы ничего, если бы не одна, как недавно принято было говорить, "закавыка": никто до сих пор не поинтересовался происхождением мелодии и гимна. Да и кто же отважится поставить под сомнение авторство самого Глинки? Да простит меня творец "Руслана": истинно дороже. Итак, по порядку.

Михаил Иванович Глинка никогда не сочинял произведения под названием "Патриотическая песня". Впервые это название появилось только в 1944 году, когда московский военный дирижер М. М. Багриновский создал свободную оркестровку короткого, незавершенного наброска, приписываемого Глинке. В годы войны страна нуждалась в музыке бодрой, вдохновляющей, и потому новое произведение стало часто звучать по Всесоюзному радио. В 1947 году, к празднованию 800-летия Москвы, оркестровка Багриновского была дополнена хоровой партитурой с оригинальным текстом А. Машистова. Именно этот вариант получил новое название: "Москва (Патриотическая песня)". Музыка М.И. Глинки, — и был официально утвержден к исполнению и изданию. Вскоре имя Багриновского — фактического автора нового произведения — было "забыто", тогда как в авторстве Глинки никто и не думал усомниться.

Что же за набросок использовал Багриновский? Первоисточник "Патриотической песни" был опубликован в 1895 году в "Русской музыкальной газете": ее издатель Н. Финдейзен в своей заметке "Мелодия национального гимна. (Автографы Глинки в Императорской публичной библиотеке)", ссылаясь на некое "предположение В.В. Стасова", утверждал, что публикуемый им автограф принадлежит Глинке (?), "относится к 1833 году" (?) и является наброском "русского народного гимна" (?). Это свое утверждение Финдейзен не подкрепил ни одним фактом, а жаль: на сегодня об упомянутом им "предположении" Стасова ничего не известно.

Ни в литературном, ни в эпистолярном наследии М. И. Глинки нет ничего, что хотя бы косвенно свидетельствовало о работе композитора над русским национальным гимном. Не странно ли: сочинять Гимн Российской империи и, "при искреннем верноподданнической ориентации автора" "Жизни за царя", — ни разу не упомянуть об этом ни в письмах, ни в знаменитых "Записках"? Кстати, ни единого намека об этом нет даже в воспоминаниях о Глинке его современников. Откуда же тогда взялись фан-

тастические предположения, что композитор участвовал в некоем "Конкурсе гимнов", якобы проводившемся в эпоху Николая I? И, между прочим, мог ли он участвовать в подобном состязании?

Факты свидетельствуют, что М. И. Глинка не мог участвовать в подобном "конкурсе", поскольку его в это время просто не было в России. Из биографии композитора известно, что 25 апреля 1830 года (т.е. тогда, когда в Российской империи еще бытовал в качестве официального английский гимн God save the Queen с русским текстом В.А. Жуковского "Боже, царя храни") молодой, одаренный, но мало кому тогда еще известный музыкант-любитель Михаил Глинка выехал за границу. Его путешествие длилось ровно 4 года, вплоть до апреля 1834 года (когда в России уже звучал Народный гимн А.Ф. Львова с новым текстом Жуковского, начинавшийся теми же словами "Боже, царя храни"). Таким образом, в те дни, когда Николай I пожелал иметь в России свой национальный гимн, Глинка находился далеко от Отечества. Но, быть мо-

мелодию, при звуках которой сегодня всем нам предписано вставать?

Оставим в стороне тот факт, что никто не проводил графологической экспертизы так называемого автографа Глинки и, следовательно, не доказал пока, что он начертан собственной рукой автора "Камаринской" (а напрасно, ибо отдельные элементы в наброске не похожи на глинкинский почерк начала 30-х годов XIX века). Жаль, что радетели глинкинского таланта не читали полностью статьи Н. Финдейзена. А ведь в ней есть любопытная фраза: "Конечно, в характере гимна мало русского, это уже видно из построения (маршеобразного) мелодии!"

Действительно, от мелодии наброска, ныне хранящегося в Санкт-Петербурге (Рукописный отдел РНБ, Ф-190, архив М. И. Глинки, + 67), веет изометной помпезностью и холодностью. Именно поэтому, надо полагать, М. М. Багриновский изменил мелодию и ритм сопровождения: в "автографе" бросается в глаза типично польская ритмика аккомпанемента, дополняемая столь же польскими речевыми (на предпоследний слог) ударениями в окончаниях мелодических фраз. Именно с этим "польским колоритом" связано в истории современного

гимна? Набросок озаглавлен по-французски: *motif de chant national*, то есть "мотив национальной песни". Но — о какой именно нации идет речь? Где сказано, что данный *motif* непременно русский? И уж совсем необразованным должен быть тот "знаток", который перевел французский подзаголовок наброска как "мотив патриотической песни" или, того хуже, "русский национальный гимн".

ЧТО КАСАЕТСЯ поэтического текста ("О, Господи! Благослови Россию"), к которому, по словам некоей Марии Варденга ("АиФ", 1997, № 12), "Глинка писал музыку", то история этого текста весьма ординарна. Когда в 1951 году Музгиз впервые издал "Патриотическую песню "Москва", она быстро стала достоянием музыкального мира. В авторство Глинки поверили все, в том числе русские эмигранты, живущие за границей. И вот в конце 1951 года в Америке, в Джорданвилле появилась баптистская листовка: в ней фактура хорового изложения повторяла издание Музгиза, но взамен стихов Машистова были напечатаны другие — именно те, которые М. Варденга поспешила объявить "подлинными". По религиозным каналам этот новый текст попал в СССР и стал исполняться с "глинкинской" музы-

кой — в молитвенных собраниях российских баптистов. Текст этот, между прочим, являет собой типичный пример самодельного "виришплетения", отличающийся унылым псевдорелигиозным (отнюдь не православным) пафосом и отсутствием упоминания символов российской государственности (как это должно быть во времена Николая I). Кого-кого, а уж Глинку подобный текст вряд ли мог заинтересовать, ведь в его времена жило так много прекрасных поэтов.

Итак, подведем итог: сегодня в России официально принят Государственный гимн, мелодия ко-

Когда звучит музыка полковая?

жет, он за границей узнал о "конкурсе" и пожелал принять в нем участие? Об этом также нет никаких свидетельств. Зато есть основания задать следующий вопрос: проводился ли вообще такой конкурс?..

НА СЕГОДНЯ нет никаких документальных сведений о так называемом "Конкурсе гимнов". Основанием для объявления и проведения подобного уникального официального мероприятия мог быть лишь Именной Указ. Однако официальных данных о подобном указе, который мог быть подписан лишь Николаем I, не обнаружено. Нет даже письменно зафиксированных свидетельств о возможном устном (по данному поводу) распоряжении императора ни в "Журналах флигель-адъютантов" императора, ни в дневниках фрейлин императрицы. Зато дополнительно известно: свое пожелание о создании Русского национального гимна Николай I высказал А. Ф. Львову в начале 1833 года; уже 23 ноября в Певческом корпусе Капеллы будущий гимн был представлен государю и его семье: 11 декабря состоялась помпезная триумфальная "презентация" нового гимна в Москве, в Большом театре; и наконец 25 декабря 1833 года в Зимнем дворце был дан Именной Указ о введении львовского "Боже, царя храни" в качестве официального гимна Российской Империи. К слову сказать: характер у Николая Павловича был таков, что он все решал сам, без каких-либо конкурсов. Впрочем, все это представляется куда как менее важным по сравнению с вопросом о происхождении музыки наброска, приписываемого Глинке. Пусть не в те годы, пусть не для конкурса, пусть не для гимна, но — разве не сам Глинка сочинил

Русский гимн самое любопытное и неожиданное.

Еще в 1974 году в личном архиве доктора искусствоведения, профессора А. Н. Дмитриева (ученика академика Б. В. Асафьева) автору этих строк удалось увидеть — и с разрешения хозяев скопировать — рукописный список, присланный Дмитриеву после войны его другом — известным украинским композитором и исследователем Ф. Е. Козицким. Список этот, как сообщал Козицкий, был сделан лично им с польской нотной рукописи конца XVI века, хранившейся до войны в Краковской национальной библиотеке. Записанный средневековой (грегорианской) нотацией с польским текстом *Kryste dnu naszej swiatlosci* ("Христос день нашего просвещения"), напев этот буквально нота в ноту совпадает с мелодией, приписываемой Глинке.

СПРАШИВАЕТСЯ: как же мог наш прославленный композитор "сочинить" напев, который был известен за три с лишним столетия до него? И как ни подивиться национально-стилистической глухоте наших "музыкальных деятелей", не распознавших в напеве "Патриотической песни" интонаций нерусского происхождения. К тому же не худо было бы понять, что "находящийся в архиве Глинки" еще не означает "принадлежащий Глинке". Во время работы над "Жизнью за царя" композитор искал музыкальный материал для характеристики "польского стана" и даже (как уже доказано) использовал подлинные польские темы. Так разве он не мог переписать (из известного ему сборника) или записать по памяти тему польского средневекового

того почти полностью повторяет напев польского католического гимна конца XVI века. Это уже само по себе двусмысленно: как будто лихие времена Годуновых, Буты и Лжедмитриев передают некую "эстафету" нашим смутным годам. Вместе с тем этот факт вряд ли может порадовать тех, кто грезит о независимой России, а также тех, кто по сию пору видит в ней оплот православия.

И если даже, вопреки очевидным фактам, на миг допустить, что автором наброска, лежащего в основе нашего гимна, мог быть великий Глинка, то и тогда возникает один неприятный, но неизбежный вопрос: "Какая уважающая себя, тем более именующая себя "великой" нация может позволить себе столь "расчетливую роскошь" — использовать в качестве музыкального символа своей государственности незавершенный эскиз, авторство которого спорно, а музыкальный стиль сомнителен?"

Любой государственный гимн — законченное, художественно совершенное, всенародно признанное музыкально-поэтическое произведение. И наши гимны — А.Ф. Львова и А.В. Александрова — были именно такими: величественными, мощными, всенародно любимыми, русскими по духу. Нам, россиянам нового тысячелетия, следует понять: великая и независимая Россия должна иметь Государственный гимн, достойный ее великого прошлого и прекрасного будущего. Могучий, бесспорный, всероссийский!

Константин НИКИТИН, доцент Санкт-Петербургской Государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Санкт-Петербург.

А вот как прокомментировал эту версию композитор Тихон Николаевич ХРЕННИКОВ:

Мне неизвестна эта версия, честно говоря, не верю в нее. Глинка в 30-е годы прошлого века участвовал в конкурсе по написанию гимна. Первую премию тогда получил граф Львов, так появился гимн со словами "Боже, царя храни". Сочинение Глинки не получило признания, осталось у него в архивах. Поэтому любые версии авторства нынешней мелодии нужно доказывать. Пока скажу, что Глинка — гениальный композитор, что мне нравится существующий гимн, только нужно к нему написать слова. Но в то же время я не отвергаю возможности создания другого гимна, знаю и другие варианты. Недавно, например, мне показывал интересную музыку Павел Овсянников, к ней уже есть слова Дубровина. Так что могут быть и другие предложения. Убежден, решать, что считать гимном, должно руководство страны.

позитор, что мне нравится существующий гимн, только нужно к нему написать слова. Но в то же время я не отвергаю возможности создания другого гимна, знаю и другие варианты. Недавно, например, мне показывал интересную музыку Павел Овсянников, к ней уже есть слова Дубровина. Так что могут быть и другие предложения. Убежден, решать, что считать гимном, должно руководство страны.